

ГЛАВА 1

Парень замер на несколько секунд перед одноэтажным бревенчатым зданием с табличкой «Школа». Мысленно прошелся по тексту на листе бумаги в руках, все ли верно. Ему не хотелось краснеть за ошибки, должно быть написано четко и по-военному. Зашел, отдал честь, доложил. С мысли его сбила скрипнувшая дверь, из здания вышли двое взрослых мужчин в шинелях с прямоугольниками на петлицах, капитан и майор. Высокий майор с колючей щеткой усов усмехнулся, приняв юного худощавого танкиста в черном комбинезоне за новичка:

— Заплутал? Здесь штаб полка, командование. Тебе, если на прожарку, вон туда через два дома, там бочка стоит.

Прямо на улице действительно стояла самодельная прожарочная камера огромной бочки, где можно было повесить одежду на крестовине и с

помощью пара обработать ее, уничтожая паразитов. Но командиру танковой роты, Алексею Ивановичу Соколову, было не до бытовых трудностей на передовой. Он принял важное решение и шел к командному пункту, чтобы его озвучить.

Капитан кивком поприветствовал лейтенанта. Он узнал Алексея Соколова, о котором много слышал из рассказов командиров танковых дивизий и которого уже видел не раз на совещаниях в ставке. О его подвигах, когда его экипаж выходил с победой из окружения или громил целую колонну немецких танков, ходило немало рассказов. В штабе среди опытных командующих батальонами молодой лейтенант больше молчал, а в бою удивлял маневренностью своего подразделения и опытным управлением ротой из командирского танка.

— Проходите, товарищ лейтенант. Товарищ полковник освободился. — Отойдя на пару метров, капитан вполголоса пояснил майору: — Это Алексей Соколов, командир танковой роты.

— Тот самый? На таком танке с названием? Ну как его? «Зверь»? — прищелкнул пальцами майор.

— «Зверобой», это название из книжки Фенимора Купера, я читал такую сыну, — подсказал собеседник, а в голове мелькнуло, как давно это было. Сын-школьник в кровати, жена стрекочет

на швейной машинке в соседней комнате — воспоминания, словно сон из другой жизни, которая была десятки лет назад.

Внутри вскипела привычная ярость: гнать поганых фрицев без остановки, вышвырнуть их с оккупированной территории, чтобы больше носа не сунули в мирную жизнь советских людей. После успеха на Курской дуге Ставка Верховного главнокомандования направила все силы на освобождение Украины, а дальше Польша и Европа. Командующему 65-й армией поставили задачу: начать фронтальное наступление и нанести главный удар по силам противника с участием танковых и кавалерийских корпусов. Сегодня в штабе полковник зачитал директиву о переименовании Центрального фронта в Белорусский, в чьем составе теперь 3, 48, 50, 61, 63, 65 и 16-я воздушная армии. Это новое формирование должно форсировать Днепр и овладеть Киевом, оттеснив противника дальше на юг.

Майор взглядом проследил за лейтенантом, с интересом наблюдая, как черный тонкий силуэт на крыльце решительно потянул за ручку деревянную тяжелую дверь школы и шагнул в теплый сумрак коридора. Зачем молодой лейтенант явился в школу, которая стала штабом полка на время планирования наступательной операции?

В просторном помещении было пусто, часть парт сдвинули вместе, образовав общий стол для совещаний, остальную мебель местные жители давно уже разобрали на дрова. На стене и школьной доске висели карты, утыканные значками, недавно закончилось совещание штаба. Полковник в гимнастерке с расстегнутым крючком воротничка сосредоточенно писал в планшете в ожидании, когда ординарец приготовит крепкий чай на горячей буржуйке.

— Здравия желаю, товарищ полковник! — Соловьев вскинул руку к шлемофону из черной кожи.

— Вольно, лейтенант. — Командир с неммым вопросом окинул напряженную фигуру. — Вроде не вызывал тебя, докладывай.

— Вот, товарищ полковник, рапорт на перевод. — Лист, исписанный аккуратным почерком, лег на стол.

— Так, давай посмотрим. — Командир вчитался в ровные строки. — В ударную группу присышься, лейтенант... На прорыв обороны... Ну что же, такому, как ты, самое место на сложном участке фронта. Свяжусь сегодня с командующим танкового полка прорыва, оформим перевод туда. Экипаж твой готов на передовую?

— Так точно, товарищ полковник! — отчеканил Алексей.

ЗЛОВЕЩИЙ РУБЕЖ

Еще сегодня днем, только узнав из доклада политрука о готовящейся операции по прорыву обороны армии Гитлера, он объявил экипажу своего танка о решении перевестись в другое танковое формирование, чтобы участвовать в наступлении. Старшина Логунов — наводчик, ефрейтор Бочкин — заряжающий танкового экипажа, младший сержант Омаев — радист и стрелок и сержант Бабенко — механик-водитель, все его подчиненные без долгих обсуждений поддержали Алексея, скрывая за сухим согласием радость, что они смогут участвовать в освобождении Белоруссии. Ведь теперь Красная армия активно наступает, освобождая одну за другой три года назад оккупированные немцами территории. Отсюда когда-то, поливая кровью каждый метр земли, советским войскам пришлось отступать, поэтому вдвойне радостно гнать сейчас фашистов, что в панике теряют силы каждый день. А это значит, что станет молодой командир ближе к той минуте, о которой боялся мечтать. Теперь же появилась надежда, что скоро настанет время, когда советские танки ворвутся на окраины Могилева, разрушат тараном немецкие укрепления и освободят маленький поселок Мосты.

Все лето Красная армия вела масштабную битву на Курской дуге. 2 миллиона бойцов, 6 ты-

сяч танков разгромили силы вермахта. Сражение длиною в 50 дней завершило коренной перелом в ходе войны, который начался в битве под Сталинградом. После победы на Курской дуге стратегическая инициатива перешла полностью к Рабоче-крестьянской Красной армии, которая теперь усилила наступательные операции и освобождала страну от немецких захватчиков. Новую победу главнокомандующий Ставки планировал закрепить следующим победным рубежом летне-осенней кампании — сражением за Днепр. А там за рекой ждут Украина и Белоруссия, мирные жители надеются каждый день, что скоро по родным улицам перестанут нагло расхаживать ненавистные немецкие солдаты и офицеры. И не просто исчезнут, а будут наказаны за все кошмарные преступления, массовые убийства стариков, детей и женщин.

После новостей о новом движении линии фронта в сторону Украины и Белоруссии молодой лейтенант Алексей Соколов всю ночь не мог сомкнуть глаз. Раньше перед его мысленным взором то и дело всплывала картинка — знакомая пыльная дорога, по которой шагал он в колонне военнопленных. Теперь в его полуснах-полумечтах она была чистая, без жутких воронок после бомбежек, а прямо посередине дороги стояла невысокая ху-

денькая девушка с букетом полевых ромашек в руках. Его любимая Оля, которую пришлось оставить в отряде партизан на оккупированной фашистами территории. Уже прошли сотни дней с их вынужденного расставания, когда Алексей совершил побег и вернулся в советскую воинскую часть, а любимая девушка осталась бороться с германскими захватчиками у них в тылу. Сотни дней, тысячи часов, миллионы минут без единой весточки, жива ли она, не попала ли в лапы к немецким карателям или гауляйтерам. И вот появилась надежда, робкая и нежная, как полевые цветы в ее руках, вновь увидеться с Олей. Соколов злился на свою сентиментальность, ну какие ромашки, ноябрь на дворе.

Но проснулся он с твердым намерением перевестись как можно ближе к линии фронта, лично принять участие в наступлении и ускорить день его встречи с любимой. Днем командир роты поговорил с экипажем танка и обрадовался, услышав согласие бойцов. Всю роту, конечно, вместе с ним могут не перевести, да и осталась от нее после последнего боя лишь часть. Танкисты, кто попал в госпиталь, кто был переведен для укомплектования в другие экипажи, а машины отправлены на капитальный ремонт на ближайший завод, где раньше собирали трактора, а теперь инженеры и

механики «лечили» бронетехнику. Наспех позавтракав полевой кашей, Соколов засел за написание рапорта о переводе на переднюю линию фронта, где Красная армия каждый день все сильнее теснила немцев на запад. И потом с волнением нанес визит в КП, чтобы заручиться согласием на перевод. Он напрасно волновался о том, что получит отказ. Смелые тактические решения молодого лейтенанта Соколова и опыт его слаженного экипажа «тридцатьчетверки» как никогда были сейчас полезны в самом центре сражения с силами вермахта. Это понимал и его нынешний командир танкового полка, поэтому сразу сообщил в передовой эшелон войск о подкреплении.

Вручив рапорт, Соколов коротко попрощался. На крыльце он выдохнул с облегчением, все получилось, как и хотел, — коротко, ясно, без запинок. В свои 25 лет Алексей хоть и был опытным командиром, в подчинении целая танковая рота, но вот в общении с начальством ему по-прежнему приходилось преодолевать некое стеснение, чувствуя кожей удивление вышестоящих офицеров и их недоверие при виде совсем молодого командира. Высокий и худощавый, с тонкими чертами лица и светлыми прядями волос, он выглядел моложе своих лет, да и редкостью было для выпускника танкового училища за короткий срок службы по-

лучить в управление целую танковую роту, в которой он отвечает не только за свой экипаж и одну машину, а за 9 танков. В каждом Т-34 или, как говорится в военном уставе, в боевом отделении по 4 единицы личного состава: командир, наводчик, заряжающий, стрелок-радист. Всего 40 человек, которые слушаются командира беспрекословно. Положено сорок, но в реальности в его роте был хронический недокомплект, так как при ведении боев в самом пекле сражений с немцами практически каждое столкновение заканчивалось потерями. Сколько убитых, сгоревших заживо внутри танка и погибших при исполнении боевого приказа людей помнил Алексей. Оттого, что сотни раз столкнулся он со смертью лицом к лицу, у него на лбу залегла глубокая морщина да взгляд серых глаз стал глубоким и умудренным. Каждый свой бой, каждый шаг во время войны командир танкового отделения стремился просчитать, выстроить стратегию действий, как одержать победу и избежать трагических потерь. Потому что понимал, что за любую оплошность, просчет можно заплатить дорогую цену — жизнь одного из членов экипажа танка Т-34 с номером 077. Вместе с ними бок о бок он воевал, сидя в тесном отделении машины, уже несколько лет. Бойцы доверяли ему свою жизнь, зная, что командир не подставит под удар напрас-

но, поэтому поддержали решение Соколова о переводе в ударную группу без долгих обсуждений.

Довольный устным согласием полковника, Алексей зашагал по селу, где временно разместились механизированная бригада. Боевые подразделения распределили на постой к мирным жителям, для техники в элеваторе организовали ремонтную мастерскую, а в сельском фельдшерском пункте расположился медсанбат. За ночь к бригаде подтянулись подводы с тыловыми частями технического обеспечения, и жизнь в поселке закипела. По улицам ходили санитары с ведрами, неся воду для нужд санбата, из элеватора то и дело выезжали и заезжали в него машины, бронетранспортеры, танки, чтобы механики подлатали боевые ранения железных помощников бойцов.

Танкистов расположили отдельно, на краю села, где можно было укрыть тяжелые гусеничные машины в ближайшей рощице. Все-таки линия фронта всего в пятидесяти километрах и небо каждую ночь бороздит люфтваффе с целью разведки или в поиске объекта для бомбардировки. Поэтому правила маскировки при каждой длительной стоянке танкисты соблюдали старательно. Радист Руслан Омаев с заряжающим Колей Бочкиным заботливо укутали их верного «Зверобоя» сверху куском брезента, чтобы защитить от влаги все три

отделения машины: моторное, боевое и отделение управления. Сверху грубой промасленной ткани они густо уложили еловые лапы, ветки, которые сделали танк невидимым для воздушной разведки противника. Их машина уже побывала на профилактическом осмотре в мастерской, Бочкин с командиром танка Логуновым получил снаряды для комплектации. За день он успел натереть и закрепить их на стенах танка и в ящике для хранения, покрутить ручки наводки, чтобы проверить, как двигается орудие на цапфах в лобовой части башни. Руслан не отставал от приятеля, тоже заботливо укладывая и проверяя свое хозяйство — пулеметную установку в верхней лобовой плите корпуса, спаренную с 76-миллиметровой пушкой боевой машины. Даже прошелся ветошью по диоптрическому прицелу курсового пулемета, своей единственной возможностью наблюдать за местностью при движении танка. Механик Бабенко провел почти весь день в ремонтной мастерской, где с радостью вспомнил прошлое инженера-испытателя на заводе по выпуску танков. Словно вернулся в мирное прошлое, где он обстоятельно беседовал с механиками, нырял под днище танка с другими инженерами, чтобы получше рассмотреть технические узлы и найти решение для устранения поломки. К обеду начальник ремонтного цеха с уважением предложил пожилому мужчине без

военной осанки, что сновал по цеху с горящими глазами:

— Семен Михайлович, может, к нам давайте перевод, в ремонтный цех? У вас и голова и руки золотые, сейчас как никогда дефицит кадров. Ой как вы мне пригодились бы, ведь вы каждую детальку у машин будто сердцем чувствуете.

Сержант, в смущении от комплимента, потер заросшую седой щетиной щеку:

— Спасибо, конечно. Приятно было поработать, машины для меня как дети, это вы верно подметили. Но откажусь, останусь дальше механиком-водителем в нашем экипаже. Ребята ведь... — Семен Михайлович, от природы мягкий и деликатный, на войне отличался в разговоре от окружающих долгими формулировками, он так и не усвоил короткого и сухого военного языка. — Эти ребята, командир наш и остальные танкисты, для меня тоже как дети, не могу я их бросить. Нужен я на передовой. Да и не отступаем ведь, теперь только вперед идем. Знаете, даже вчера задумался, замечтался, как наш танк по улицам Берлина поведу.

— Поведете, Семен Михайлович, — с жаром воскликнул начальник мастерской. Преданность немолодого инженера вызвала у него внутри бурю эмоций, ведь может человек отсидеться в тылу на

теплой технической должности, но рвется воевать до последнего. До победы!

Василий Иванович Логунов все утро провел за осмотром механизма наведения, проверяя сектор своей ответственности в танке — телескопический прицел и перископический панорамный прицел. Подгонял мальчишек, как он про себя называл Руслана и Кольку. Ефрейтор Бочкин этому отношению взрослого Логунова соответствовал как никто. Он и Логунов были призваны из одной деревни из-под сибирского города Омска. Да не просто являлись земляками, а были фактически родственниками, так как Василий Иванович перед войной ухаживал и мечтал жениться на крепкой и милостивой Любе Бочкиной. И вот так сложилась судьба, что с ее сыном прошел он в танке уже почти всю Россию, сначала обороняясь от фашистов, а теперь прогоняя их обратно на запад. Конечно, пройдя через страшные сражения, когда Колька и он сам чудом избежали гибели, он считал парня практически своим сыном. Поэтому и писал в каждом письме ненаглядной Любаше все больше про Кольку, как изменился и возмужал парень, который попал на войну еще совсем юным 18-летним мальчишкой. Вот и сегодня, улучив время, он в одиночестве уселся с химическим карандашом над половинкой писчего листа. Прежде чем уло-

жить в дефицитную бумагу все свои мысли, Логунов долго размышлял над тем, что бы рассказать своей любимой. Поделиться радостью от военных побед нельзя, все сведения о передвижениях и боевых действиях строго засекречены, так что писать приходилось о простых, бытовых мелочах. Да и сам Василий Иванович осторожно подбирал слова, чтобы Люба не переживала за него и Кольку. Поэтому сегодня описал он ей крепкий домик, где расположились танкисты, чтобы была уверена названная жена, что ее любимые мужчины отдыхают от сражений в тепле. Рука, он сам не понял как, вывела в конце: «Вернусь, и справим такой же небольшой дом Николаю, чтобы смог поселиться с невестой». Написал, прочитал и замер над этими словами — жалко вычеркивать. А от мысли, что вот-вот и вернется он к мирной жизни, где есть место свадьбам, новоселью, внутри все словно перевернулось. Так и просидел Логунов добрую четверть часа, обхватив голову богатырскими руками, над крошечным письмом с фронта. После велел Кольке добавить пару строк от себя и потом отправил пасынка на полевою почту в сельсовете. Сам же хозяйственный сибиряк растопил печь пожарче, собрал в доме все котелки и устроил настоящую прачечную, где прожарил портянки и нательные рубахи, развесил выстиранные еще вче-

ра форму и комбинезоны. Слишком хорошо он помнил тяготы Первой мировой войны, которую прошел, и Финской кампании. Тогда от вшей он страдал невероятно, любую свободную минуту посвящал тому, чтобы избавиться хоть немного от мерзких тварей. С тех пор и завел привычку просушивать и прожаривать всю одежду и обувь возле огня на каждом привале.

К возвращению лейтенанта от командира полка бригада Соколова уже ждала его в скромной побеленной избе, где впервые за последние два года задымилась и потеплела старенькая печь. Хозяева домика, два пенсионера, погибли от ранений осколками фугасной бомбы еще в первую военную весну. Не успели убежать с огорода, когда в небе загудел залетный «Юнкерс». Домик же простоял целым несколько лет, а вещи в нем лежали так, словно старички вот-вот вернутся домой из поездки в соседнее село. Бочкин с Логуновым соорудили некое подобие землянки взамен разрушенной после бомбежки хозяйской бани, где они по очереди до скрипа отмылись от пота и грязи.

Сейчас экипаж в чистом исподнем сидел в натопленной избе за столом, на котором дымился котелок с вареной картошкой и кусками мясных консервов, рядом в миске аппетитно поблескивали моченые яблоки.

— Вот это пир, — восхитился Алексей, волнение после общения с полковником схлынуло, и он почувствовал зверский аппетит. Редко они видели в череде атак и наступлений обычную домашнюю еду. Тем более неоткуда было взяться такой роскоши, как картошка и яблоки.

— А это калым за Кольку, — чуть ли не лопаясь от сдерживаемого смеха, выдал Руслан. Серьезный и сосредоточенный в бою, он давал волю своему горячему чеченскому нраву в минуты отдыха. Семья младшего сержанта Омаева была из Краснодарского края, и парень охотно рассказывал о крепких традициях своего народа и даже демонстрировал кинжал, с которым еще его дед в Первую мировую бился против врагов.

Бочкин от колкой шутки залился густой краской и ткнул с возмущением ложкой в бок приятелю. Но того, как хулиганистого школьника, маневр только раззадорил, и он с ликованием почти выкрикнул:

— Это девушка из деревни нам к воротам принесла картошку и яблоки. Она в Бочкина влюбилась. После такого подарка он обязан на ней жениться. Калым за Кольку!

Степенные Логунов и Бабенко старались изо всех сил сдержать улыбки, но в шутку младшего сержанта поддержали:

— А что, Николай, белорусские невесты хороши, воспитанные, красивые девушки. Считаю, что стоит согласиться. Я вот не женился, и бывает, что жалею об этом.

Бочкин с недоверием смотрел на всегда серьезного мехвода, не понимая, шутит он или нет. Парень перевел взгляд на земляка Логунова, ища поддержки. Но Василий Иванович улыбался всем своим широким лицом, на секунду представив вдруг, что получится у него погулять на свадьбе названного сына, на невесту он был согласен любую. Хоть на девушку из белорусской деревни, хоть на студентку консерватории, Лизу Зотову, которую пасынок, кажется, полюбил всем сердцем. Молодому ефрейтору стало приятно и одновременно досадно от шуток товарищей, он буркнул:

— У меня вообще-то девушка есть, меня Лиза ждет в Куйбышеве. — И Бочкин уткнулся в свою порцию еды.

Во время обеда Руслан веселил товарищей рассказами о выкупе невесты на Кавказе, откуда был родом. Когда же смешки и разговор стихли, Соколов решил поделиться новостью:

— Командир полка мой рапорт одобрил, в ближайшее время откомандируют нас к другому формированию, перекинут ближе к линии фронта. Особый танковый полк прорыва. На передовой

мы нужны, товарищи, готовится битва за Днепр и за Белоруссию.

Словно в подтверждение его слов, в окне мелькнула шинель. Вестовой без церемоний ввалился в избу и козырнул:

— Здравия желаю. Приказ командира полка: через полчаса формирование колонны у выезда из деревни, вместе с частью механизированной бригады направляетесь в Деражичи, в расположение 9-го танкового корпуса. Там поступаете под командование генерала Бахарова. На время передислокации командир мехколонны лейтенант Соколов.

Дисциплинированный экипаж дружно поднялся из-за стола, мирный перерыв закончился, пора собираться в дорогу.

Через полчаса скромная колонна вытянулась и спешно покатила по проселочной дороге. Короткий ноябрьский день к тому времени закончился, и деревня мирно спала, даже вездесущие деревенские мальчишки не бежали вслед танку с красными звездами на бортах. Впереди в переднем эшелоне, возглавляя колонну, шел танк. За ними гудели грузовики с личным составом и офицерами стрелковой роты. Алексей по привычке, укоренившейся за время войны, наблюдал из командирской башни за местностью, вслушиваясь в каждый звук. Между танком и часовыми на гру-

зовиках поделили сектора наблюдения на время марш-броска, и теперь он неотрывно следил за дорогой и редколесьем на левом фланге. Ноябрьские ранние сумерки окутали лес вокруг, слились с дорожной грязью. Колонну с погашенными фарами теперь практически не было видно, танк накрыли брезентом, чтобы внутрь не просачивалась сырая ноябрьская морось. Темнота как черным плащом обняла изуродованную воронками взрывов, братскими могилами, минными полями землю, даже и не скажешь, что здесь недавно шли ожесточенные бои. И фронтовики снова рвутся в бой, чтобы гнать немецких захватчиков прочь с родной земли.

Стремительное движение линии фронта, успехи освободительных операций привели к тому, что Ставка нацелила РККА на освобождение Белорусской ССР, дальше армию освободителей ждет истерзанная немецкими фашистами Польша, а потом путь советских воинов лежит через Варшаву прямо к сердцу фашистского зверя — Берлину. Перелом в войне произошел, больше они не отступают, а гонят прочь захватчиков.

Это все Алексей понимал, но за годы войны привык быть осторожным, недоверчивым к собственным хрупким надеждам. Сколько погибших товарищей в мгновение ока расставались с жиз-

нию, поэтому мечтать о мирной жизни можно только после окончательной и бесповоротной победы Красной армии.

Снизу раздался сочный бас Логунова:

— Спускайтесь вниз, товарищ командир, отдохните, я подежурю. Через полтора часа прибудем, и я вас разбужу.

Алексей возражать не стал, веки тяжелели, а голова все глубже и глубже покачивалась в такт мерному движению танка. В темном нутре железной машины он закрыл глаза, просунул руку за ворот комбинезона и прикоснулся пальцем к сложенному бумажному прямоугольнику в нагрудном кармане. Это стало его ритуалом перед сном — читать письмо Оли. Но буквы, написанные карандашом, быстро стали бледнеть, а бумага тончать от ежедневных прикосновений, да и текст письма он запомнил наизусть. Поэтому парень стал просто прикасаться к сложенному листку, закрывать глаза и читать мысленно про себя строчку за строчкой.

Алешенька! Мой дорогой командир! Нас срочно отправили в город. Зачем, сказать не могу. Ты же сам понимаешь, что этого говорить нельзя. Я не знаю, когда мы теперь с тобой увидимся, милый. Война, страшная война на нашей земле. Ты коман-

ЗЛОВЕЩИЙ РУБЕЖ

дир Красной армии, я комсомолка. Но я не это хотела тебе сказать.

Леша, если мы больше не увидимся, если нас разбросает эта война, то помни, что я всегда любила и буду любить тебя. Только тебя одного! И я буду хранить тебе верность и буду ждать тебя, как всегда на Руси женщины ждали воинов. Я глупая, да? Фантазерка?

Просто я люблю тебя. И пусть фантазерка и выдумщица. Ты сохрани это письмо. Это мои мысли, частичка моей души в этих строках. И моя любовь будет беречь тебя на войне.

Твоя Оля.

Сегодня только он закрыл глаза, как зазвучал ее голос, а потом и сама Ольга прикоснулась к щеке тонкими прохладными пальцами. Под строгими бровями блеснул озорной взгляд. В своей стремительной манере она обняла его за шею и уткнулась холодным носом в шею. От ледяного прикосновения Соколов вздрогнул и проснулся. Сонно коснулся шеи, но под пальцами оказалась всего лишь холодная капля конденсата с люка танка.

Глубокой ночью, на командирских часах стрелки показывали три часа, когда колонна прибыла в назначенную точку — поселок Держачи. Луч фонаря дежурного офицера на блокпосту

прошелся по документам красноармейцев и погас. В кромешной темноте лейтенант почти не различал лица говорившего, лишь слышал команды уверенного бодрого голоса:

— Командир танковой роты с остальным командным составом в грузовик, направляетесь в соседнюю деревню, в штаб корпуса. В семь утра совещание для всего командного состава. Мехводам отвести танк и грузовики для осмотра на соседнюю улицу. Возле здания подстанции подвижное ремонтное подразделение, там же получите горючее. Личный состав на ночевку в два крайних дома по правой улице. Места мало, товарищи, потеснитесь.

В темноте шевелились невидимые солдаты, высаживались из машин, бряцая винтовками, заурчали грузовики, следуя приказу дежурного офицера.

После теплого пространства танка Соколова передернуло от ночной сырости, он плотнее запахнул кожаную куртку и отдал распоряжение Логунову принять командование отделением на время его отсутствия. Дошел до фыркающей «эмки», ловко запрыгнул в небольшой открытый кузов, офицер стукнул по кабине ладонью — трогай.

В темно-зеленом грузовичке командира танкистов приветствовали несколько голосов, один низ-

кий, осипший, а второй высокий и прерывистый. Когда глаза привыкли к темноте и машина тронулась, в открытом кузове Алексей смог рассмотреть в тусклом свете звезд спутников. Крупный мужчина, заросший черной щетиной, укутался до ушей в шинель, натянув ушанку посильнее, и полулежа покачивался в такт движению машины. Алексею ударил в нос резкий запах гари от его одежды, лицо соседа было покрыто слоем засохшей пыли, словно маской. Даже в темноте было заметно, что он выглядит уставшим: лицо осунулось, а веки отекали от пороховых газов. Второй пассажир, кудрявый молодой человек без головного убора, в топорщащейся необмятой шинели, сверкнув стеклами очков, протянул для приветствия левую руку, из правого рукава торчала скрюченная усохшая кисть.

— Здравствуйте. Лейтенант Кирилюк, военный корреспондент газеты «Знамя Советов», — представился он и продолжил полушепотом, чтобы не беспокоить дремавшего: — Можно просто Григорий. Извините, что тихо. — Он кивнул в сторону темной фигуры. — Это командир роты стрелков, после боя сразу перебросили сюда ночным маршем, отдохнуть человеку надо.

Соколов представился, и тут же согнутая фигура зашевелилась, приподнялась. Мужчина сел и хрипло попросил:

— Есть вода, лейтенант? И тряпка, лицо обтереть, а то в штаб корпуса едем все-таки.

Алексей протянул фляжку и захлопал по карманам в поисках тряпицы, но Кирилюк опередил его и протянул сонному соседу чистый платок. Тот издал довольный смешок, вылил щедрую порцию на платок и начал приводить себя в порядок. От влажной ткани будто слезла серая кожа: проступили острые выступающие скулы на вытянутом лице, крупный нос, узкая полоска обветренных губ и черные, глубоко посаженные глаза под густыми бровями. Не поднимая до конца красные веки, мужчина кряхтел от прикосновений холодной воды, но отчитывался в полудреме:

— Командир штрафной роты лейтенант Петр Иванович Завьялов. В бою с противником погибло более 50 человек личного состава, во время двух ночных маршей до пункта назначения умерли от ранений командиры взводов, в живых из офицерского состава осталось два человека и уполномоченный Особого отдела НКВД.

После ледяного умывания Завьялов немного пришел в себя, оживился, огляделся вокруг,

удовлетворенно провел по чистому лицу крупной рукой:

— Ну вот, теперь хоть на человека похож. Дрались мы как черти, патроны кончились, бойцы мои фрицев саперными лопатами рубили. Потом две ночи шли сюда без остановки.

— Вы поспите, товарищ лейтенант, мы не будем вам мешать. Ложитесь к нам за спины, чтобы ветер не задувал, — предложил Соколов. Внутри у него все переворачивалось от желания сделать что-нибудь полезное для измученного командира, который недавно выиграл кровопролитный бой, но, как назло, даже сухари из сухпайка он оставил в танке.

Завьялов только в знак согласия кивнул и тут же свернулся калачиком за их спинами, подняв воротник шинели до самых ушей, сквозь дремоту хохотнув:

— У пехоты, как говорят, лопата под головой — мягче спится. Помешают они. Привык я уже. Вот, угощайтесь. Трофейный.

Широкой ладонью Завьялов нащупал в кармане круглую банку, сунул им под ноги и уснул.

Алексей аккуратно открыл жестяную крышку, а корреспондент, старательно вглядываясь в готические буквы надписи, прочитал:

— Шо-ка-ко-ла, это что... у мертвого немца взяли? У трупа? — Корреспондент не решился взять угощение, отдернул руку в последний момент.

Алексей же с аппетитом сунул в рот кусок шоколада и ощутил, как на языке растекается сладкая волна. Глядя на боевого командира, Григорий нерешительно перехватил из банки крохотный кусочек лакомства и отправил в рот. Несколько минут они ехали молча, потом Кирилюк смущенно откашлялся и зашептал:

— Я так рад, что удалось попасть на фронт. Я же местный, в гомельском университете на филологическом факультете учился. Мне два года отказывали из-за травмы руки, пришлось в тылу сидеть. — Соколов покосился на безжизненную руку в шинели. — Я в школе у детей уроки вел, а сейчас вот удалось добиться перевода из эвакуации. Я как услышал первые сводки с Курской дуги, сразу понял: ну все, погоним немца! Сколько можно отступать и обороняться! Теперь только вперед, ни шагу назад по приказу Главнокомандующего! Я на линию фронта попросился, чтобы быть тоже полезным. Буду освещать в армейской газете все победы Красной армии! Вот у вас, товарищ Соколов, есть рассказы о боевых достижениях экипажа вашего танка? Я ведь слышал вашу фамилию в сводках,

вы же герой, столько подвигов совершили. Ваш портрет непременно надо в передовицу поместить.

Алексей смутился:

— Да какой герой, я же не один, вместе с экипажем танка. Без них ничего бы не получилось, мы с самого начала военных действий вместе воюем.

— Вот именно, я заметил, что многие однополчане друг другу как семья стали. Хочу об этом написать, о настоящей фронтовой дружбе, товарищеской поддержке. Я вот даже записывать стал себе выражения, которые на фронте про дружбу придумали. «Выручай товарища в бою: ты жизнь его спасешь, а он спасет твою», потрясающе, да?! Ведь только вместе у нас получилось остановить наступление вермахта, преодолеть сопротивление противника. Скоро выйдем его из Белоруссии, а потом будут освобождены от немецких захватчиков Украина и Польша!

Лейтенант, соглашаясь, кивал в такт словам взбудораженного военкора. Действительно, на фронте случился перелом. Теперь стратегическая инициатива на стороне Красной армии, наступательные операции будут идти одна за другой до полного освобождения земли от немецких захватчиков. Но для лейтенанта Соколова его путь к победе отличался от передовиц в газетах и политических агиток. Холод, голод, сотни смертей

товарищей и едва знакомых ему людей, десятки столкновений с врагом, когда экипаж танка оказывался в отчаянном положении, на волосок от смерти, остались навсегда в памяти парня. За три года войны он с каждым боем становился все более опытным, сдержанным воином, который предпочитает молчать о кровавой цене победы. Кирилюк же говорил без умолку, забыв о дремлющем за их спинами командире пехотной роты. Грузовичок резко вильнул, сделав поворот, и они оказались у военного поста на въезде в деревню, где наряд проверял документы у прибывавшего из разных частей корпуса офицерского состава.

Совещание проводилось в большом здании Дома пионеров, где в сохранившейся части строения отвели для проведения совещания большой светлый зал. Разбитые от бомбежек окна были крест-накрест заколочены досками, но в зале топилась буржуйка, так что танкисту даже пришлось от тепла расстегнуть куртку. Алексей с попутчиками заняли места рядом, на одной из наспех сколоченных лавок. Окончательно проснувшийся Завьялов ушел искать туалет, чтобы хоть немного привести себя в порядок. Боевой командир чувствовал себя очень неуютно в грязной шинели среди чистеньких штабистов. Соколов не обратил внимания, когда он вернулся, доклад командира

танкового корпуса Бахарова уже начался. Лейтенант достал карту из планшета и внимательно отслеживал маршрут наступления, о котором говорил генерал. Тот же, невысокий и крепкий, в потертой форме с широкими погонами, скинул полушубок и папаху, чтобы с указкой в руках показывать на большой карте на стене, как будет далее развиваться наступление:

— Задача Красной армии прорвать оборону противника, разделить группу немецких армий «Центр» и «Юг». Главный удар направлен на оборону противника на линии Липняки — Ястребка. Наши войска вплотную приблизились к Гомелю, заняли позиции в Добруше и Новобелице, задача — разрушить сильную оборону немцев вокруг Гомеля и в междуречье Сожа и Днепра. Верховным командованием принято решение перебросить части к Лоеву, форсировать Днепр и наступать в направлении Речицы. Одновременно начнется наступление через реку Сож от деревни Хальч, — чеканил слова громкий голос генерала. — Наш Заднепровский плацдарм в районе Лоева нависает над гомельской группировкой противника. Гитлеровское командование стягивает сюда силы с других участков фронта. Немецкое радио и печать шумят и кричат о «неприступности Восточного вала»... — Генерал вдруг замолк и обвел